

Киселёва Т. В.

А. И. ШЁГРЕН В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/28.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 84-87. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В целом мы можем разграничивать традиционные, бархатные и цветные революции по типу приходящей элиты и по типу смены социального строя, получая в итоге следующий результат (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Классификация революций по типу приходящих элит и по типу смены социального строя

Тип революции	Динамика элит	Динамика социального строя
Традиционная	Новая элита	Новый социальный строй
Бархатная	«Уничтожение» первых лиц	Новый социальный строй
Цветная	Круговорот элиты	Старый социальный строй

Применение насилия не может служить таким признаком, поскольку даже революция 1917 года обошлась без кровопролития.

Мятежи, дворцовые перевороты являются определенным «кирпичиком» истории, меняющим спокойное развитие событий, уничтожая их предсказуемость. Корнелий Тацит, например, описывает разнообразные мятежи времен Древнего Рима. Эдвард Луттвак читает путч гораздо более демократичным, чем дворцовый переворот. Разницу он видит в том, кто может совершить тот или иной тип изменений. Дворцовый переворот совершается только «своими», в то же время путч допускает «чужих», то есть тех, кто находится вне правительства, но в то же время в самой стране.

Классики изучения революций – Тед Сколпол и Джек Голдстоун – подчеркивают трансформирующий характер революций. Т. Сколпол задает революцию как быструю трансформацию государственной и классовой структур, сопровождаемую и частично проводимую с помощью классового восстания снизу. Джек Голдстоун – как трансформацию политических институций оправдания власти в обществе и сопровождаемую формальной или неформальной массовой мобилизацией и неинституциональными действиями, подрывающими существующую власть.

Характерным для революции является определенный всплеск агрессивности, направленный на внутреннего оппонента, а не внешнего противника. Сергей Переслегин говорит, что революция «тоже война, только направленная на более близкого противника». Вспомним агрессивность, проявленную даже в физическом пространстве после революции 1917 года, когда громились дворцы и другие культурные ценности. Одновременно эта же агрессивность распространяется в информационном и когнитивном пространствах, проявляя нетерпимость к иному мнению.

Джон Гейтс соглашается с мнением многих исследователей по поводу отсутствия общей теории революции, начиная с проблемы определения самого понятия революции. Жак Эллюль при этом отмечает, что «мы должны принять в качестве революции то, что люди в определенный период воспринимают как революцию и таким образом называют ее сами». Бессмысленно говорить, что революция 1830 года не была революцией, если те, кто делали ее, верили, что это было именно так.

К будущему можно двигаться эволюционным путем, а можно революционным. Любой интенсивный метод всегда болезнен для общества, но он, несомненно, сокращает путь вперед. «Когда мятеж кончается удачей, зовется он, как правило, иначе», – говорится в одном из переводов Самуила Маршака, иллюстрируя, что попытки интенсификации могут быть как удачными, так и неудачными. При этом осуществляется модель переноса одного и того же инструментария в разные страны. Так, новый тип бархатных революций сначала прошел в Восточной Европе, потом в Югославии и Грузии, в 2004 году в Украине. Сегодня существует предупреждение о грядущих революциях лозы в Молдавии, революции маков в Киргизии, революции тюльпанов в Казахстане. Киргизская к настоящему времени уже и завершилась.

А. И. ШЁГРЕН В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Киселёва Т. В.

Министерство культуры РФ «Государственный музей истории религии»

Для финского учёного А. И. Шёгрена Вологодская губерния¹ и прилегающие к ней районы были очень привлекательны, т.к. давали возможность исследовать богатейшие архивы и работы предшественников, а также познакомиться с местными краеведами и собранным ими материалом. Шёгрэн активно копировал сочинения местных историков и краеведов, к сожалению, большинство этих работ в оригинальной авторской трактовке сохранились только в личных бумагах академика А. И. Шёгрена.

После завершения работы по изучению вепсов, он отправился через Белозерск и близлежащий Кирилловский монастырь в Вологду [Allmänna Ephemerider. D⁸III 1-18. О. XIV. 22. 01 - 06. 02. 1827, 07 - 27. 02.

¹ В состав Вологодской губернии входили: Кадниковский, Усть-Сысольский, Грязовецкий, Яренский, Вологодский, Никольский, Тотемский, Вельский, Сольвычегодский, Велико-Устюжский, Вологодский уезды (примечание автора).

1827 г.], где он оставался в течение всего марта 1827 г. Вологодский краевед Н. И. Суворов писал: «Тогдашний губернатор Брусилов, вице-губернатор Татаринов и епископ Онисифор оказали ему полное содействие для успешности предпринятого им дела» [Суворов 1899: 4], т.е. экспедиции.

Сам город Вологду Шёгрэн описывает в своих бумагах весьма сухо, в основном приводя статистические данные и сухие цифры: «Точно неизвестно, когда построен, сей губернский город. В летописях о городе сём упоминается в начале XII века. В житии преподобного Герасима сказано, что он пришёл на Вологду в 1147 году. В грамоте Новгородской 1203 года, адресованной Великому князю Ярославу, брату Св. Благоверного Великого князя Александра Невского, упоминается о Вологде. Жителей обоего пола до 10 000, чиновников и военных до 2200, купцов и мещан 4566, разночинцев 1822. Купечество здешнее отправляет торги внутри и вне государства. Капитал, объявленный купцами на 1826 год составил 1174289 рублей. Доходы города простираются до 41 тысячи рублей. Внутри России Вологодские купцы торгуют по лучшим ярмаркам, и отпускают товары в Сибирь до Китайских границ, так же к Каспийским пределам. Обыватели же городские снискивают себе пропитание, разными рукоделиями, фабриками и ремёслами. Фабрик: сахарных 3, кожевенных 8, свечных и сальных 11, солодовенных 6, канатных 2, прядильных 3. Из сего числа значительные сахарный завод Витушников и кожевенные Ягодникова и Деньгина» [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 9 (29-68). Л. 428 об. – 429.]. Последний, скорее всего местный житель Александр Деньгин, который увлекался историей края и предоставил в 1828 г. Шёгрэну свою рукопись «Достопримечательное известие о Реке Печоре. Собрал по опытам и очевидным сведениям в течение нескольких лет во время путешествий» [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Л. 89-106.]. В настоящее время эта рукопись находится в личном фонде академика Шёгрэна. Возможно, под влиянием знакомства с Шёгрэном или при его содействии А. Деньгин опубликовал в 1831 г. в «Журнале мануфактур и торговли» свою статью, посвящённую описанию реки Печоры [Деньгин 1831: 99-110.].

В своём описании Вологды Шёгрэн отмечает: «вологодские сальные свечи почитаются лучшими в России. Город имеет годовую ярмарку с 6 января по 1 февраля, на которую приезжают иногородние купцы с разными товарами. Оборот ярмарки простирается до 150 тысяч рублей. Вологодская ярмарка отличается тем, что лавки устроены не на открытом воздухе, а в комнатах общественного дома» [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Л. 429-429 об.]. Очевидно, что при написании «Описания Вологды», Шёгрэна явно интересовала экономическая жизнь города и губернии.

В своих записях Шёгрэн замечал, что первостепенное значение в экономике Русского Севера XIV–XVII вв., да и весь XVIII в. играли открытые и освоенные ранее водные пути, связывавшие Север с миром [Власова 2004: 170].

Основываясь на летописных данных, записях местных краеведов и чиновников, Шёгрэн пришёл к выводу, что в XVI в. существовал торговый путь из центральной России через Волгу, Тотьму, Холмогоры и основанный для торговли с Западной Европой Архангельск и далее по северному морскому пути в Англию, Голландию и другие страны. Походы Ермака в Сибирь открыли новые дороги через восточные пункты Севера – по Сухоне через Тотьму, Устюг, по Вычегде через Сольвычегодск в Вятско-Пермский край, на Урал и в Зауралье. Шёгрэн отмечает положительное влияние данных водных путей на развитие хозяйственной деятельности крестьян, ремесленников, и торговых людей. В некоторых своих записях учёный даже высказывает свои мысли о возможных перспективах дальнейшего развития водных путей Вологодского края, уделяя особое внимание перемещению после основания Петербурга морских путей из Архангельска на Балтику и Мариинской системе, созданной в начале XIX в. и игравшей большую роль в снабжении хлебом Петербурга и. С нескрываемым сожалением учёный говорит о былом процветании Вологды в XVI в., когда оттуда осуществлялась через Беломорье международная торговля России с Гамбургом, Любеком, Норвегией, Данией, Англией, Голландией. В Вологде существовали английские и голландские торговые конторы и склады товаров, из которых их переправляли в Ярославль и Москву уже сухим путём [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Л. 429-429 об.]. Шёгрэн пишет, что «иностранными купцами были заведены конторы» в Вологде. Его слова подтверждаются данными приведёнными в записках путешественника Корнелия де Бруина, который в 1701 г. отмечал, что в Вологде было четыре склада только голландских купцов [Путешествие Корнелия де Бруина 1872].

Шёгрэн как правило использовал свои рекомендательные письма, чтобы установить контакты с местными должностными лицами и получить доступ в лучшие дома города и губернии. Его допускали к архивным и делопроизводственным документам, которые он старательно копировал, и дополнял эти источники метеорологической и экономической статистикой, которую составил сам на основе своих наблюдений, а также исследованиями местных любителей старины.

Посещение Вологды положило начало к изучению Шёгрэном коми-зырян. Он исследовал нерасшифрованные зырянские надписи на фресках в соборе и получил через новых знакомых рукописный текст на зырянском языке. Хотя, несколько учёных уже предпринимали попытки расшифровать надписи, убедительных доказательств правильности их перевода, не существовало. Шёгрэн не мог привнести ничего нового в дело расшифровки надписей, так как уже к этому моменту, когда он их исследовал, часть символов была безвозвратно утеряна. А текст на зырянском языке был копией русско-зырянского двуязычного документа на 16-ти листах [Сергин 1815: 4], содержащего инструкции для защиты от оспы. Шёгрэн получил этот текст от местного доктора в Вологде. Путешественник оставил Вологду в начале апреля 1827 г., для того чтобы подробнее исследовать восточную часть губернии.

Около недели Шёгрэн двигался по реке Двине до Тотьмы (записи от 8 – 11 апреля 1827 г.), где пробыл почти две недели, так как весенняя распутица не позволила продолжить путь на санях, ни на телеге, но это время не было потрачено впустую. Он познакомился с местным городничим, много путешествующим человеком, который был в состоянии дать ему достоверную информацию о Сибири из первых рук (записи от 20 – 21 апреля 1827 г.). Также Шёгрэн воспользовался возможностью исследовать архив местного монастыря. Можно предположить, что, находясь в Тотемском уезде, Шёгрэн обратил внимание на местных старообрядцев и сектантов, поскольку известно, что в Заборской волости Тотемского уезда жили – старообрядцы, а Куракинской – хлысты [Власова В. 2004: 135], но, к сожалению, нет ни каких данных об этом в самом дневнике путешественника.

К концу апреля 1827 г., в сопровождении солдата, выделенного для его охраны, Шёгрэн оставил Тотьму и направился на северо-запад в Вельск, передвигаясь небольшими просёлочными дорогами к маленькому городу, Верховажье на озере Вага. Основной причиной посещения этого города, было желание, познакомиться с местным краеведом и бывшим бургомистром Шенкурского городского магистрата Матвеем Николаевичем Мясниковым (1761–1831), который в течение 45 лет собирал рукописи по истории Важской земли и на их основе создал ряд сочинений. В архиве С.-Петербургского Института российской истории РАН (ф. 226, оп. 1, д. 51) храниться письмо М. Н. Мясникова к «доктору философии» А. И. Шёгрёну от 3 мая 1827 г. под заголовком «Сведение о собрании исторических древностей и показание собранных старинных книг и бумаг, относящихся к историческим предметам Ваги, города Шенкурска, Вельска и Верховажского погоста» с биографическими сведениями о авторе и подробным описанием его рукописного собрания.

Шёгрэн нашёл много полезной информации среди бумаг Мясникова и часто с благодарностью ссылаясь на него в своей собственных работах. Среди бумаг Шёгрёна, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, хранится рукопись «Историческое описание страны издревле известной под именем Ваги, составляющей ныне Шенкурскую и Вельскую округи и первого на Ваге города Шенкурска. Взято из собранных в г. Шенкурске в разных архивах грамот. Писана в Верховажском посаде 1817 г. в ноябре месяце Матвеем Мясниковым, того же посада мещанином» [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/1-39 Л. 126 об. – 127.]. О ценности этого исторического описания говорит тот факт, что Шёгрэн лично его переписал и часто обращался к нему в своих работах. Помимо географического расположения автор приводит сведения о древних жителях этой местности, и, что удивительно, утверждает, что издревле там жило племя «чудь»: «Пространство Важеской страны, занимающее все места по реке Ваге и частию по Двине, первоначально населяли чудьские народы. Достоверно, что они, до пришествия в Новгород Рюрика, обитали уже на Ваге и при реке Шенеге, впадающей в реку Вагу, построили чудской город который первоначально назывался Шенкурье, Живущая на Ваге чудь занималась звероводством и производила мехами зверей торговлю со славено-руссами и другими народами» [С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/1-39 Л. 126 об. – 127.]. Из этого можно заключить, что по сохранившимся у местных жителей преданиям древнейшее население Ваги было прибалтийско-финским, занималось пушным промыслом и вело оживлённую торговлю с соседними славянскими племенами. О ранних контактах с чудью на Вологодчине (XI-XII вв.) есть свидетельства в археологических данных из могильника деревни Корбала в низовьях Ваги.

Здесь в контактной зоне, где рядом с аборигенами селились славяне из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, взаимоотношение этносов привело к ассимиляции финно-угров во время массового славянского продвижения сюда в XIII – XIV вв. Это позволяет заключить, что местные культуры формировались в результате синтеза славянских и финно-угорских компонентов [Макаров 1990: 125-128; Макаров 1997: 45-47], именно это, задолго до археологических экспедиций и исследований предвидел в своих исследованиях А. И. Шёгрэн.

По завершении экспертизы материалов Мясникова, Шёгрэн продолжил свою поездку в Вельск, где он провёл пять дней, работая в местном архиве. Отсюда он по рекам Вага и Рида достиг Шенкурска (записи в дневнике исследователя от 10–12 мая 1827 года), где он задержался на продолжительное время, чтобы написать заметки, относительно использования терминов, которые вместе с метеорологической статистикой он намеревался послать в газету «Finska Hushallningssällskap» (запись в дневнике исследователя от 20 мая 1827 года), прежде чем продолжить свой путь по реке Ваге. Шёгрэн оставил Шенкурск 22 мая 1827 г. Он намеревался проследовать по Ваге до её слияния с Двиной, а оттуда отправиться вверх по её течению к Устюгу. Это дало бы возможность продолжить собрание материалов свидетельствующих о прежнем пребывании финнов на этой территории, тем более что Шёгрэн полагал, что на территории области они проживают в большом количестве. В этом краю, особенно по Двине, он осмотрел множество так называемых чудских городищ, с которыми местные жители связывали интересные сказания. По пути он составлял по возможности полные указатели названий местностей и фамилий местных жителей, которые могли иметь отношение к древним жителям этих местностей. Он также делал извлечения из писцовых книг, собирал народные песни, составлял словари местных говоров и географические описания тех местностей, которые видел во время поездки [Суворов 1899: 17].

Шёгрэн достиг Двины 24 мая 1827 г. Там он провёл почти две недели, исследуя области в бассейне этой реки, часто путешествуя с места на место на лодке (записи от 23 мая – 4 июня 1827 года) [Branch 1973: 150]. Кроме выявления многих свидетельств, как он считал, пребывания здесь в древности еми, Шёгрэн также начал находить там признаки зыряно-пермских жилищ. Около Красноборска он услышал, что область прежде была населена пермяками, и обнаружил топонимы, указывающее на их пермское происхождение. К

югу от Красноборска он обратил внимание на специфического вида женский головной убор, который напомнил ему о таких же головных уборах, которые он видел в Лапландии. Шёгрэн заметил, что использование этого вида головного убора стало более обыденным по мере приближения к Устюгу (запись в дневнике исследователя от 3 июня 1827 года).

Шёгрэн провёл приблизительно три недели в Устюге, где архивные материалы и особенно летописи превзошли его ожидания. К концу июня 1827 г., он снова по Двине путешествовал до города Соль-Вычегодск. Его пребывание там было особенно важно для его изучения зырян. В своих отчётах «Reise Bericht» [Sjögren 1829] он отмечает, что обнаружил много новых материалов, о которых он планировал подробнее написать позднее. Это, вероятно, относится к открытию им легенды об исчезнувшем народе, известном как «Gam» (записи от 3–23 июля 1827 года) [Branch 1973: 145], которая должна была стать центральной в его теориях о распространении финно-язычных народов.

Архивная работа в Соль-Вычегодске задержала Шёгрэна на две с половиной недели, затем его маршрут пролегал на северо-восток, по реке Вычегде к Яренску. Он оставил Соль-Вычегодск 21 июля и прибыл в Яренск 23 июля 1827 года. Не доезжая приблизительно 20 вёрст до Яренска, он посетил деревню Вожема, где, как он слышал, была более точная копия зырянской надписи, которую он исследовал в Вологде (фреска Сошествия Св. Духа в Вологде первоначально была в церкви Вожема, но позже была перенесена в собор, а вожемская церковь получила копию). Эта вторая надпись была в довольно хорошем состоянии, и копию с неё Шёгрэн потом приведёт в своей работе «Die Syrjanen» [Sjögren 1861: 235-459]. Сама фреска принадлежала ещё к временам Св. Стефана Пермского и надпись на ней была сделана пермскими письменами и представляла собой четыре стиха из второй главы книги Деяний Св. Апостолов. Попутно Шёгрэн достаточно подробно изучает «Житие Стефана Пермского», просветителя коми-зырян и пермяков, составленное в XIV в. Епифанием Премудрым [Поппе 1928: 274]. При изучении данного источника Шёгрэн, в основном, касался топографии Пермии, имеющейся в житии. Однако, он ошибочно и опрометчиво полагал, что сведения, содержащиеся в житии могут только запутать, но не прояснить границы древней Пермии [Смирнов 1891: 19]. Шёгрэн в своих записях отмечает, что Св. Стефан перевёл на зырянский язык богослужебные книги и составил азбуку зырянского языка, «но со временем книги были потеряны, а сама азбука зырянская забыта. Причиной сему, как полагал известный православно-церковный историк митрополит Евгений (Болховитинов), бывшие в Усть-Сысольских церквях пожары, уничтожившие все документы и древности».

Шёгрэн провёл полторы недели в Яренске и исследовал все доступные описания и заметки в поисках исторического объяснения существования такого большого количества финских особенностей среди «чуди». После того как он оставил Яренск в начале июля 1827 г., он, двигаясь на запад от Двины, наконец, попал в области, населённые коми-зырянами (запись от 2 августа 1827 года) [Branch 1973: 146].

Список литературы

- Власова И. В. Занятия населения и хозяйственные традиции // Русский Север: этническая история и народная культура XII-XX века. - М., 2004.
- Деньгин А. Печора. Из записок вологодского купца А. Деньгина // Журнал мануфактур и торговли. - 1831. - № 6.
- Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI – XIII вв. - М., 1990.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв.: по материалам археологических памятников Белозерья и Прионежья. - М., 1997.
- Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. - Л., 1928.
- Путешествие Корнелия де Бруина через Московию (при Петре Великом) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. - 1872. - № 1-4.
- Сергин А. Наставление о предохранительной прививке. - СПб., 1815.
- Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. - Казань, 1891.
- Суворов Н. И. Академик Шёгрэн в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. - 1899. - № 256.
- С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 9 (29-68) Manuscripta A. Sjöegreni IX. Л. 428 об.- 429.
- С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 5/1-48 Manuscripta A. Sjöegreni V. Reise 1829. Л. 89-106.
- С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/1-39 Manuscripta A. Sjöegreni I, Reise von 1827. Л. 126 об. – 127.
- Allmänna Ephemerider // Helsingin yliopiston kirjasto. D⁸III 1-18. О. XIV. 22. 01 - 06. 02. 1827, 07 - 27. 02. 1827 г. В Белозерске 22. 01 - 6. 02. 1827 г., в Кирилове 7 - 27. 02. 1827 г., прибыл в Вологду в 1. 03. 1827 г.
- Branch M. A. J. Sjögren Studies of the North. - Helsinki, 1973.
- Sjögren A.J. Bericht des Dir Sjögren über dessen wissenschaftliche Reise zur Untersuchung der finnischen Völkerschaften in Russland. - SP., 1829.
- Sjögren A. J. Die Syrjanen, ein historisch-statistisch-philologischer versuch // Gesammelte Schriften. - SPb., 1861.